

на ночь. Прошло нѣсколько часовъ, какъ вдругъ я услышала два голоса: одинъ принадлежалъ старой нянѣ, а другой Трухачевскому. „Меня прислалъ за себя вашъ патерь, который очень болѣнъ“, сказалъ онъ, и я тутъ увидѣла, что на немъ была ряса католическаго патера. Старая няня, бывшая также католичкой, набожно перекрестилась и оставила насъ вдвоемъ. Онъ приблизился къ гробу и, приподнявъ покрывало, лежавшее на моемъ лицѣ, произнесъ: „Боже Милостивый!“ — и отшатнулся отъ меня съ ужасомъ: очевидно, я была такъ страшна. Но потомъ онъ взялъ мою холодную руку и, нѣжно проводя по ней своей рукой, промолвилъ: „бѣдная, кто бы могъ это подумать!“ Отъ его прикосновенія пробѣжала по моему тѣлу какъ бы электрическая искра. Онъ нагнулся ко мнѣ, и я почувствовала, что горячая слеза упала на мою щеку. Эта слеза и прикосновеніе любимаго человѣка возвратили меня къ жизни. Я, съ неимовѣрнымъ усиліемъ, громко перевела дыханіе и промолвила: „спаси меня!“ Онъ воскликнулъ: „Боже Милостивый! ее хоронятъ живую!..“ и приподнял мнѣ голову. „Слава Богу, прибавилъ онъ шепотомъ, что я пришелъ во время, но будь осторожна, а то все